

или Диккенсу, при всем почтении к ним. На Западе нет «светской святости», в России же ее основания заложил Петр (скорее всего, не предполагая таких последствий церковной своей реформы).

¹ Глава Поэтов и глава «светских отцов» — Пушкин, относительно которого нация высказалась с поразительным единодушием. Симптоматично, что отрицание Пушкина тоже совпадает с кризисами, с недовольством государственным и общественным статусом. Крайний нигилист Д. И. Писарев, автор богопротивно-блестящих антипушкинских статей (слава Богу, что Пушкин был на том свете: Писарев с гораздо большим наслаждением попирает бы здравствующего), — символическая фигура. «Это был человек до болезненности впечатлительный. В юности он перешел через самый суровый аскетический искуc, чрез подлинный аскетический надрыв. Самым острым и подавляющим в эти годы было для него впечатление от гоголевской „Перепишки“. И вставал уже этот типичный вопрос: *как же мне жить свято?* < . . . > Решали его в духе самого крайнего максимализма, нужно всецело и нераздельно отдаваться и предаваться *одному* < . . . > Напрасные слова и бесполезные разговоры отдаются сразу же безвыходными угрызениями совести. . . На такой психологической почве собирается юное „общество мыслящих людей“, этот характерный кружок Трескина, который сыграл такую решающую роль во всем душевном развитии Писарева. . . Собирался этот кружок „для благотивных разговоров и взаимной нравственной поддержки“, — это скорее напоминает александровских мистиков и масонов, чем московские кружки любомудров. Очень любопытно, что в числе основных задач было поставлено угашение половой страсти и влечения во всем человечестве. Пусть лучше человечество вымрет и жизнь остановится, чем жить в грехе. Впрочем, оставалась надежда, надежда на чудо. Вдруг люди станут бессмертными, „в награду за такое подвижничество человечества“, — „или будут рождаться каким-нибудь чудесным образом, помимо плотского греха“ < . . . > Весь „нигилизм“ Писарева был подготовлен именно таким мечтательно-моралистическим перенапряжением и надрывом».¹⁶

Писаревский нигилизм — та же религиозная крайность, что и его юношеский мистицизм, только с обратным знаком. Очевиден религиозный подтекст и в «развенчании» Пушкина. Это — попытка лишить его ореола «светской святости», принести в жертву идолам вульгарного материализма. Крайности сходятся, в данном случае — в необузданном максимализме и конфессиональной нетерпимости. Кстати, в пушкинской поэме культ Петра отчетливо религиозен. Он — «строитель чудотворный», бронзовый кумир; он Первый и в том смысле, что его предшественникам на троне монументов не воздвигали. В народно-православном сознании Медный Всадник — «образ», соотносимый с образами, с изображениями ликов Христа, небесных сил, угодников. Подобно чудотворной иконе, истукан «строителя чудотворного» может покидать свое

¹⁶ Флоровский Г. Указ. соч. С. 292—293.